

Археологические исследования московского посада

М. Рабинович

Археологические раскопки в Москве были организованы в 1946 г. в связи с приближавшимся 800-летним юбилеем. Раскопки велись на холме в устье р. Яузы Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы. Одновременно небольшие раскопки в том же районе вёл Государственный Исторический музей.

Длившиеся в течение двух лет раскопки в устье р. Яузы дали существенные результаты. Здесь были обнаружены остатки поселения XII—XIII вв., разрушенного в результате деятельности гончаров, которые в XV—XVII вв. населяли бывшую здесь Гончарную слободу. Материалы раскопок, давшие много нового для изучения гончарного производства, опубликованы в первом и втором томах «Материалов и исследований по археологии Москвы»¹.

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 7. М. 1947; вып. 12. М. 1949.

После исследований в устье р. Яузы, где, по утверждению одной из старинных легенд, была древнейшая Москва (что при раскопках не подтвердилось), основное внимание археологов было направлено на район Зарядья в Китай-городе.

Китай-город, носивший в древности наименование Великого посада, является наиболее интересным (после Кремля) районом Москвы. Здесь сосредоточивалось ремесленное и торговое население Москвы. По мере роста Москвы как столицы великого княжества, а потом Русского централизованного государства в этом торговом и ремесленном районе селились бояре и дворяне, учреждались монастыри, ставились торговые дворы приезжих русских и иностранных купцов, наконец, строились правительственные здания — приказы, тюрьмы и пр. Из сохранившихся в этом районе памятников достаточно назвать известную усадьбу бояр Романовых.

Особый интерес для исследования представляет низменная часть (подол) Китай-

города—Зарядье²,—прилегающая к Москве-реке. Являясь непосредственным продолжением кремлёвского подола, эта часть Великого посада должна была заселяться уже с древнейших времён торговым и ремесленным людом, который во всех городах старался селиться поближе к пристани. На это обстоятельство обратил внимание М. Н. Тихомиров, отметивший, что район возле церкви Николая Мокрого в Зарядье ещё в конце XV в. пользовался особой юрисдикцией³. Церкви Николая Мокрого, патрона плавающих и путешествующих, в древних русских городах обычно располагались по соседству с пристанью.

Первые письменные известия о церкви Николая Мокрого в Зарядье и прилегающей к ней районе относятся к концу XV в.; они попали в летописи в связи со страшными пожарами, которые не раз опустошали древнюю Москву. Под 1468 г. летопись сообщает, что загорелся «посад на Москве у Николая Мокрого много дворов бесчисленно изгоре, горело вверх по рву за Богоявленскую улицу, а от Богоявлена улицею мимо Всеяковых двор по Иван святы на пять улиц, а от Ивана святого на подол по Васильевской луг, да на Большую улицу на Вострой конец, и по самую реку, да по Кузму Демиана на Вострой конец»⁴. В этом первом известии мы уже находим указание на значительные размеры посада («дворов бесчисленно много»).

Пожар, очевидно, распространялся сначала вверх по рву, а затем у Богоявленского монастыря перекинулся через ров, в направлении двора Всеяковых (почти надпротив монастыря, на современном Куйбышевском проезде) и снова повернул вниз, на подол, мимо церкви Ивана на пяти улицах (в районе современной улицы Разина), уничтожил Острый конец и дошёл до самой реки⁵. Если предположить вслед за некоторыми исследователями, что ров, упоминаемый летописью, был частью укрепления посада, шедших перпендикулярно берегу Москвы-реки, то приходится сделать вывод, что эти укрепления уже в XV в. не охватывали всей территории посада, так как выгорело большое количество строений и даже церкви (весь Острый конец), расположенные за укреплениями. С нашей точки зрения, логично предположить, что в летописи речь идёт о естественном рве или овраге, через который огонь перекинулся не сразу.

Район Зарядья, в особенности места, прилегающие к церкви Николая Мокрого и со-

временному Мокринскому переулку, в направлении которого, как предполагалось, проходила древняя Великая улица от Кремля к пристани, в силу приведённых выше соображений издавна привлекал внимание исследователей.

Уже в 1941 г., когда впервые было принято решение о сносе домов в Зарядье и строительстве на их месте большого здания, Академия архитектуры СССР и Комиссия по истории Москвы организовали крупные работы по фиксации древних зданий и археологические наблюдения за земляными работами строительства, которые посчастливилось вести автору настоящего сообщения⁶. Уже тогда были собраны значительные коллекции и установлен тот важный факт, что во влажной почве Зарядья прекрасно сохранились дерево и другие органические остатки. Тогда же было установлено, что фундаменты поздних каменных зданий и другие перекопы, как правило, не пробивают всей толщи культурного слоя, достигающего здесь местами 6 и более метров. Нижние горизонты культурного слоя оказались, таким образом, сравнительно мало повреждёнными.

Эти сведения подтвердились при проходке специального разведочного шурфа в 1946 г., когда Московская экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР возобновила здесь археологические разведки, прерванные войной.

В 1948 г., когда начались подготовительные работы к строительству в Зарядье высотного здания, Институт истории материальной культуры АН СССР и Музей истории и реконструкции Москвы организовали здесь археологические наблюдения, а в 1949—1950 гг.—раскопки большого масштаба.

За два года работ было пройдено шесть раскопов и столько же разведочных шурфов. Общая площадь, вскрытая стационарными раскопками, превышает 900 квадратных метров. Одновременно велись археологические наблюдения и за земляными работами строительства, охватившие почти всю территорию строительной площадки, к югу от Ершова и к западу от Зарядьевского переулка. Места для стационарных раскопов были выбраны, исходя из изложенных выше соображений, вблизи бывшей церкви Николая Мокрого, по обе стороны бывшего Мокринского переулка. Раскоп I был заложен к югу от церкви, раскопы II, III, IV и V — к западу и северо-западу, а раскоп VI — к северо-востоку. При этом старались избежать церковного кладбища, существовавшего в XVI—XVIII веках.

В итоге раскопок выяснилось, что в Зарядье на значительной глубине (4—6 м от современной поверхности земли) сохранились наслоения, отложившиеся в X—XIII веках. Об этом говорят находки большого количества фрагментов древней глиняной посуды, близкой по своим формам к находи-

² Самое название «Зарядье», вероятно, позднейшего происхождения, связано с расположением района за торговыми рядами, что на Красной площади.

³ См. М. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 170. М. 1947.

⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXV, стр. 281. М. 1949.

⁵ См. план Москвы и её ближайших окрестностей в XV и начале XVI в., составленный М. В. Фехнер. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 12. М. 1949.

⁶ Материалы наблюдений хранятся в архиве Музея истории архитектуры, коллекции — в Государственном Историческом музее.

мым в других древнерусских городах, в частности во Вщиже, в слоях X века. Здесь найдено несколько фрагментов лепной керамики, обломки сосудов, покрытых глухой зелёной поливой, какие известны по находкам в Киеве и Владимире в слоях XI—XIII веков. Среди вещей, найденных в нижних горизонтах культурного слоя, встречаются весьма архаичные проколки, костяные наконечники стрел и иглы — вещи, характерные для древних славянских поселений. Ещё более интересны найденные здесь стеклянные браслеты и шиферные пряслица (грузики для веретён) — такие вещи впервые найдены в Москве. Обе эти категории находок часто встречаются в древнерусских городах начиная с X в., но только в домонгольских слоях. Производство их прекратилось после разгрома Киева татаро-монголами⁷. Найдены стеклянных браслетов и шиферных пряслиц в нижнем горизонте культурного слоя в Зарядье подтверждают дату этого горизонта — X—XIII века. Комплекс древних находок дополняется хрустальными и сердоликowymi бусами, характерными для вятичского племенного убора, весьма архаичными по форме ножами и свинцовым перстнем-печатью.

Поселение на берегу реки, в непосредственной близости от Кремля, не могло быть не чем иным, как только посадом города Москвы. Дальнейшие работы выявили пространство домонгольского культурного слоя и тем самым позволили установить конфигурацию посада. Он шёл узкой полосой по подолу вдоль берега реки, достигая линии современного Псковского переулка. На посаде открыты остатки металлургической и металлообрабатывающего производства — металлический шлак в специальных ямах, крицы, поделки из жетеза. Повидимому, здесь жили кричичи и кузнецы. Небольшой дом к северо-западу от церкви Николая Мокрого принадлежал кожевнику. Неподалёку от дома найдены ямы с шерстью и золотом — остатки золотых дел, где шкуры очищались от волос. Очевидно, кожевник сам и шил различные изделия из кож, фрагменты которых также встречались в изобилии.

О торговых сношениях с отдалёнными землями Европы говорит находка свинцовой товарной пломбы с клеймом, на котором видна почти стёртая надпись (настолько, что прочесть её пока не удалось) латинскими буквами на одной стороне и готическими на другой. На обеих сторонах пломбы в центре помещён герб в виде перчатки, пересечённой епископским посохом с характерной загнутой рукоятью. Это герб епископа кёльнского (XI век).

Таким образом, ремесленный и торговый посад Москвы был уже в начальный период истории нашей столицы весьма значителен и, очевидно, далеко выдавался за пределы крепости, находившейся на высоком берегу Москвы-реки, при владении в неё речки Неглинной. Возможно, что уже в те отдалённые времена сложилась планировка

посада, которая известна по планам XVI—XVII вв. и которая сохранилась в Китай-городе до недавнего времени. Главной магистралью посада, по всей вероятности, уже в то время была улица, шедшая от Кремля вдоль берега реки к пристани и совпадавшая примерно по направлению с Мокринским переулком. Впоследствии эта улица получила название Великой, или Большой. На древность этой планировки указывает и то обстоятельство, что все орудия, встреченные при раскопках, располагались либо параллельно либо перпендикулярно оси Мокринского переулка, идущей с запада на восток.

Благодаря влажности почвы в культурном слое Зарядья прекрасно сохранились древние здания. Перед нашими глазами представило редкое зрелище целого района города, улиц и прилегающих к ним усадеб, застройка которых менялась из века в век, причём нижние части древних построек не были уничтожены позднейшими, нагромождавшимися сверху.

Удалось проследить и конструкцию разновременных зданий, которые уже с XII—XIII и до XVI—XVII вв. представляли собой неглубоко врытые в землю срубы из добротных еловых или дубовых брёвен (иногда нешокурных), рубленых в обло (в древнейшее время) или в лапу (позднее). В плане это квадратные постройки размером в среднем 4×4 — 5×5 м; большие дома иногда состоят из поставленных рядом нескольких срубов. Нижняя часть жилой постройки, очевидно, в большинстве случаев использовалась как погреб для хранения запасов; погреба эти иногда имели весьма сложное устройство. Один из открытых погребов (XVI в.) был вымощен «в ёлочку» кирпичом и имел в западной части особый канал, из которого деревянная труба отводила воду в специальный поглощающий колодец. Это был, по всей вероятности, «ледник», какие упоминаются нашими письменными источниками при описании богатых домов в Москве.

Жилые комнаты, повидимому, располагались выше, на некотором расстоянии от земли. Таким образом, раскопки в Зарядье дают возможность утверждать, что уже с XII—XIII вв. в Москве господствовал северно-великорусский тип постройки, сильно отличающийся от открытых при раскопках в Киеве и Старой Рязани древних жилищ — полуземлянок⁸.

Планировка городской усадьбы прослеживается по нашим материалам лишь с XIV века. Можно думать, что разница в планировке вскрытых нами усадеб XIV—XVII вв. объясняется не хронологическими, но социальными различиями. Усадьба ремесленника XIV—XV вв. устроена так, что дом-пятистенка выходит на улицу, а хозяйственные постройки стоят во дворе. Дом приказного XVII в. состоит из трёх срубов, примыкающих один к другому; на улицу он выходит боковым фасадом, как

⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 466—471. М. 1948.

⁸ «История культуры древней Руси». Т. I, стр. 269. М. 1948.

это часто бывает в современных великорусских деревнях. В боярской усадьбе XVI в. белокаменный господский дом с крыльцом на колоннах стоит посреди двора, а на улицу выходят глухие стены служб, построенных из добротных дубовых брёвен.

Великая улица и прилежавшие к ней переулки были замощены уже в XV веке. На разных участках нами раскрыто несколько слоёв деревянных мостовых той же конструкции, что и более древние мостовые Великого Новгорода⁹.

Влажность почвы здесь была в древности ещё более ощутима, чем теперь. Поэтому для отвода воды с Великой улицы уже в XV в. и в начале XVI в. применялась целая система дренажных сооружений. Нами открыты магистрали деревянных труб, сделанных из расколотых вдоль и выдолбленных брёвен, покрытых берестой. Трубы эти отводили с улицы воду в обе стороны: на юг — в реку — и на север — в ложбину, шедшую параллельно берегу реки. Городское хозяйство Москвы ещё в XV в. стояло на высоком уровне. Для благоустройства главных улиц применялись весьма сложные дренажные сооружения того же типа, что открытый в Новгороде «водопровод»¹⁰. Московский дренаж XV в. вместе с новгородскими гидротехническими сооружениями XII в. является одним из древнейших подобного рода сооружений в Европе.

Вопрос о древних укреплениях посада исследовался нами особо. На основании приведенного выше извещения летописи о пожаре, распространившемся «вверх по рву», большинство исследователей считало, что в указанном летописью направлении от Николая Мокрого к Богоявленскому монастырю должен был уже в XV в. проходить ров, а вероятно, и вал с частоколом, составлявшие укрепления посада, предшествовавшие позднему Китай-городу¹¹. В 1949 г. нами были открыты два ряда частоколов, идущих примерно в указанном направлении и датированных XV веком. Естественно предположить, что это и есть надолбы упомянутого летописью рва¹². Однако дальнейшее исследование прилегающего района показало, что оба частоккола были оградами двух соседних усадеб. Рва при раскопках не обнаружено, как не обнаружено и следов укреплений, более древних, чем Китай-город. Очевидно, эти укрепления были скрыты до основания. Но каменную стену Китай-города (1534—1538) нам удалось исследовать в двух местах и выявить новые, не отмечен-

ные предыдущими исследователями¹³ детали её конструкции. Фундамент этой мощной каменной стены был врыт в культурный слой на глубину 0,80—1,20 м, что уже само по себе указывает на большую древность поселения в этом районе. Основанием его служили часто забитые в грунт небольшие дубовые сваи. Пространство между верхушками свай было забито белокаменным бутом, слой которого лежал на 10—15 см выше свай. На этот бут был положен каркас из толстых еловых брёвен, верхний ряд которого лежал перпендикулярно линии стены, а нижний — параллельно. Обрабатываемые этим каркасом клетки были также тщательно забиты бутом, поверх которого шла уже кладка из белокаменных квадров, переходящая в надземной части стены в кирпичную.

Большой интерес представляет открытая к югу от церкви Николая Мокрого усадьба литейщика-ювелира (XIV—XV вв.). Здесь оказались остатки глинобитной плавильной печи и дом-пятистенка (очевидно, жилой). Среди развалин печи в доме найдено в общей сложности 8 небольших (диаметр — 7,7 см, высота — 7 см) тиглей, совершенно одинаковых по размеру и конструкции. Дно их округло, поверхность сильно оплавлена: все они побывали в деле. На внутренних стенках тиглей сохранились остатки плавившегося в них металла — бронзы. Неподдалёку от тиглей найдена половина литейной формы из мягкого серого песчаника. На одной стороне этой формы вырезаны полушарные углубления для девяти бус или головок булавок, на другой стороне — углубления для отливки красивой звёздчатой подвески. Эта мастерская ювелира-литейщика, повидимому, не была единственной в Зарядье. В древнейших слоях (XII—XIII вв.) найдена также литейная формочка для отливки зерна, а в слоях XV—XVI вв., в северной части строительной площадки, была найдена часть ещё одной формочки из белого камня, в которой отливались фигурные пуговицы. Развитие ювелирного мастерства — весьма характерная черта московского посада уже с XII века.

К западу от церкви Николая Мокрого открыта большая мастерская сапожника XV—XVI вв., который, возможно, занимался и обработкой кож. Подавляющее большинство находок — фрагменты обуви самых разнообразных фасонов и размеров. Среди этих находок чаще всего встречаются фрагменты сапог, но есть также «черевички», «поршни» и даже кожаные лапти. Обувь мужская, женская и детская, в большинстве нарядная, с загнутыми вверх острыми носами, тиснёнными головками, на разнообразных каблуках и без каблуков. Носы часто украшены медными пряжками, на каблуках набиты медные скобы и железные подковки.

⁹ См. А. Арциховский. Раскопки в восточной части дворца в Новгороде. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12, стр. 156. М. 1949.

¹⁰ См. там же, стр. 164.

¹¹ См. М. Тихомиров. Древняя Москва. План Москвы XIV—XV вв., приложенный к книге. Ср. также М. Фехнер. Указ. план.

¹² См. М. Рабинович. Великий посад Москвы. «Вестник Академии наук СССР» № 9 за 1950 год.

¹³ См. Н. Коробков. Китай-город. Сборник «По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича». М. 1936; Н. Виноградов. застройка и планировка от площади Революции до Старой площади. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 7.

Много обуви, не бывшей в употреблении, но чаще встречается собранная для починки, во множестве попадаются и куски старой обуви, из которых выкроены заплатки для другой обуви. Найдены также иглы, сапожный воск (для вошения дратвы), сапожные ножи. В мастерской не только шилась и чинилась обувь, но делались рукавицы и перчатки, части конской упряжи и в довольно большом количестве ножны для кинжалов разной формы и размеров, зачастую богато украшенные. Орнамент на ножны наносился каким-то острым инструментом, иногда на коже видны следы зубчатого колёсика. Некоторые фрагменты кожаных изделий особенно интересны тем, что по ним можно восстановить весьма оригинальную технику тиснения кожи. Предполагаемый узор выкладывался из толстой суровой нитки, которая закладывалась между двумя слоями кожи. После сильного сжатия этих слоёв получался выпуклый орнамент, который на лицевой стороне изделия обрабатывался затем по контуру заострённым инструментом. Наиболее распространён среди продукции этой мастерской изысканный орнамент в виде множества завитков, какой встречается зачастую и в рукописях и в архитектурном орнаменте XV века. Здесь же производилась и тонкая, требующая высокой квалификации мастера, работа по тиснению кожи. Открытие кожаной мастерской заполняет важный пробел в изучении древнерусского ремесла¹⁴.

Мастерская эта не была в Зарядье ни древнейшей, ни единственной. При археологических наблюдениях 1941 г. в районе современного Зарядьевского переулка также было обнаружено большое скопление обуви и её полуфабрикатов. Примерно в этом же районе, к юго-востоку от церкви Василия Блаженного, на одном из древнейших планов Москвы, так называемом Петровом чертеже (XVI в.), показаны «заведения продающих сапоги»¹⁵. Кожи и готовая обувь составляли и в XVII в. существенную статью московского экспорта, например в Иран¹⁶. Кожевенное и сапожное производство в Зарядье, на Великом посаде Москвы имело, как показывает открытие описанной выше кожаной мастерской XII в., древние традиции. Оно развивалось в течение ряда веков и, очевидно, играло в жизни Москвы значительную роль.

Было развито на посаде Москвы и костерезное производство. В разных местах площадки в слоях XVI и XVII вв. найдены зарюбки для резки кости в виде опилённых костей и рогов (чаще всего рогов лося) и отходы производства — спилённые эпифизы,

а часто расколотые вдоль длинные кости животных с высверлиными, оставшимися от производства круглых костяных пуговиц. Среди наших находок множество предметов, сделанных из кости и рога: рукояти ножей с разнообразным орнаментом, двусторонние гребни, мундштук от музыкального духового инструмента, шахматная пешка, даже конёк для скольжения по льду, сделанный из длинной кости коровы.

Некоторые костяные изделия покрыты художественной резьбой. Такова небольшая пластина со сложным растительным орнаментом и четырёхконечный нателный крест (XV—XVI вв.), на котором с одной стороны изображено распятие с расположенными по бокам образками богоматери и Иоанна Предтечи и надписями «Исус Христос», «Матерь» и «Иоанн», а с другой стороны — трое «святых» и надписи «Никола», «Сергий» и «Никон». Уверенность, с которой выполнены изображения на кресте, отличает незаурядного мастера. Судя по находкам, в Зарядье было также несколько костерезных мастерских, причём они, по всей вероятности, продавали и изделия зарубежных костерезов. Об этом говорят находки шахматной фигурки «офицера» или пешки в виде западноевропейского крестьянина в одежде XVII в., а также части пластины-накладки с тонко прорезанным изображением молодого человека в голландском или фламандском костюме конца XVI века.

Костерезное производство было высоко развито на Московском посаде и до XVII века. В культурном слое Зарядья имеется мощная прослойка, содержащая много угля и золы, остатки обгорелых и разрушенных строений. Мы связываем происхождение этой прослойки с описанным в летописи пожаром 1468 г., уничтожившим почти весь посад. В этой прослойке среди развалин одного из строений был найден небольшой (до 1,5 см) овальный предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении вырезанной из кости печатью, которую носили, очевидно, на шею на шёлковом шнурке, остатки которого уцелели в ушке печати. В центре печати вырезано миниатюрное изображение воина в длинном кафтани, с копьём в правой руке и щитом в левой. Вокруг изображения по овалу печати идёт надпись: «Печать Ивана Карови». Искусство резчика, изготовившего такую печать, должно было быть очень высоким. Надпись сделана очень чётким шрифтом XV века. Об этой дате говорят начертания букв «ч» — «расщепом», «в» — с «набухшей» верхней петлёй и характерное для XV в. начертание других букв. Орфография надписи (написание «Карови» через «а» и «и», а не через «о» и «ы») специфически московская. В центре печати изображён, по нашему мнению, Иван Воин «святой», тёзка владельца.

Аналогичные изображения известны на печатях новгородских бояр¹⁷. Находка та-

¹⁴ Кожевенное и сапожное ремесло в древней Руси изучено очень слабо, в основном по находкам в Новгороде; в монографии Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» этой отрасли ремесла уделено едва несколько страниц (401—403).

¹⁵ Петров чертёж. Обозначение № 7.

¹⁶ См. Автореферат кандидатской диссертации М. В. Фехнер «Торговля Москвы с Персией».

¹⁷ См. М. Рабинович. Вооружение новгородского войска. «Известия» Академии наук СССР. Серия истории и философии, т. III, вып. 6, 1946 г., стр. 550.

кой матрицы — печати частного лица XV в. — уникальна. Более точное определение владельца печати, которому, очевидно, принадлежала усадьба, где найдена печать, является задачей дальнейшей работы.

Среди остатков жилых домов, во дворах, на улице и в переулках, к ней прилегающих, найдено множество вещей, характеризующих быт московского посада в X—XVII веках. Из подсобных занятий посадских людей необходимо отметить в первую очередь рыбную ловлю. Во всех горизонтах культурного слоя найдены в большом количестве глиняные и каменные грузила для сетей; имеются находки рыболовных крючков и блесны. Одно из вскрытых раскопками сооружений, возможно, было рыбкопильней. Охота в быту посада играла весьма незначительную роль. Из множества найденных при раскопках костей животных подавляющее большинство принадлежит домашним животным (в хозяйстве преобладали крупный и мелкий рогатый скот и свиньи), лишь несколько раз встречены были кости диких животных — лоса, зайца.

Среди женских занятий населения наибольшее распространение имели прядение и ткачество. При раскопках найдены большие деревянные гребни ручных прялок, изящная резная костяная шпилька самопрялки с навершьем в виде фигурки петушка, педаль самопрялки, совершенно целое деревянное веретено и много разнообразных пряслиц — глиняных, костяных, каменных и даже сделанных из черепков разбитых сосудов. Некоторые находки говорят о занятиях изящными рукоделиями. Таковы искусно орнаментированные костяные и бронзовые иглы для вышивания, встреченные уже в горизонте XI—XII веков.

Московский посад вплоть до XVII в. жил в постоянном ожидании военных нападений. Жители его должны были быть хорошо вооружены. Но оружие, очевидно, представляло большую ценность, его не теряли и не бросали даже сломанным. Те немногие находки оружия, которые сделаны при наших раскопках, являются, очевидно, следами оборонительных боёв, которые приходилось выдерживать посадским людям. К XIII—XIV вв. относятся находки железного наконечника метательного копья и нескольких железных наконечников стрел. К более поздним периодам относятся несколько каменных и железных ядер, свинцовые пули и приспособление для их производства — пулелейка.

На мостовых и во дворах Великой улицы и прилегающих к ней переулков найдено большое количество остатков транспортных средств — телег и саней (в большинстве XV—XVII вв.), деревянные оси телег и колёсные чеки, ступица колеса, кнут, копылы от саней, целый санный полоз и несколько передков саней. Один из передков, найденный в развалинах хозяйственной постройки первой половины XVI в., выделяется художественной отделкой. Его лицевая сторона покрыта тонкой резьбой, составляющей сложные узоры. Нужно отметить, что многие деревянные предметы быта — головные гребни, веретёна и т. п. — покрыты очень изящ-

ным резным орнаментом, говорящим о большом вкусе рядового населения Москвы.

Среди находок особый интерес представляет целая группа предметов, служивших для облегчения ходьбы по снегу и льду. В слоях XIII—XIV вв. найдены железные шипы, прикреплявшиеся к обуви для ходьбы по льду. В слое XVI в. найдена целая лыжа, короткая и широкая, приспособленная как для скольжения, так и для ступания, напоминающая современные охотничьи лыжи. К XVI—XVII вв. относится уже упомянутый выше костяной конёк.

К XV в. относятся найденные деревянные бирки — палочки с зарубками, иногда расположенными в два ряда по десятичной системе, так, что каждым десяти зарубкам одного ряда соответствует одна зарубка другого. Такие бирки — своеобразные бухгалтерские документы средневековья — были известны по этнографическим материалам.

В городских слоях деревянная посуда обычно бывает редкой находкой. В Зарядье найдено много деревянных ложек архаической формы, ковшей, разнообразных мисок и чашек и даже блюдо, на котором сохранились царапины от резания ножом. Большинство находок деревянной посуды относится к XV—XVI векам. Ложки резали, очевидно, тут же, на посаде. На это указывают находки заготовок и неоконченных ложек, а также нескольких железных лошкаррей.

О наличии в Зарядье деревообделочного производства говорят также находки скобеля и долота. Трудно сказать, выделялись ли здесь и более сложные предметы — чашки, миски, сделанные на токарном станке. В усадьбе XVI в. найдены три деревянных шахматных фигурки (вероятно, «петушка», «слон», или «офицер», и «ладья», или «тура»), сделанные, очевидно, в этом же хозяйстве. Резьба на них довольно примитивна. Всего в Зарядье найдено пять шахматных фигур от трёх различных комплектов. Очевидно, игра в шахматы тогда уже была широко распространена.

В XVII в. в Зарядье был целый ряд каменных и деревянных зданий, принадлежавших представителям высших слоёв населения. Владельцы их известны нам и по письменным источникам. Из вскрытых при раскопках построек следует отметить часть усадьбы окольного Ивана Гавренева, находившейся не к западу, как ранее думали, а к северо-востоку от церкви Николы Мокрого. Дом же к западу от церкви, как нам удалось установить по переписным книгам¹⁸, принадлежал Василию Яншеевичу Сулешову, занимавшему придворные должности стольника, кравчего и чашника. Сулешовы — знатный род, происходивший от крупных крымских феодалов, — начали свою службу московским царям в начале XVII века¹⁹. Брат Василия, князь Юрий Сулешов, тягался о местах с знатнейшими московскими боярами Шереметевым и Ро-

¹⁸ Переписная книга города Москвы 1626 года.

¹⁹ См. С. Белокуров. Разрядные записи за смутное время, стр. 19, 55. М. 1907.

модановским и царским указом был признан выше Шереметева²⁰. Дом Василия Сулешова был по тому времени роскошным зданием с обширными сводчатыми палатами в цокольном этаже. Здание тщательно охранялось от сырости при помощи специальной каменной дренажной трубы.

Среди развалин зданий XVII в. найден ряд предметов быта, представляющих значительный интерес. В «доме приказного», напротив палат Сулешова, найдены два глиняных чернильных прибора — настольный и портативный; в слоях того же времени — единственный целый глиняный подсвечник, роскошные омеднённые замки и ключи к ним (XVI—XVII вв.) и монета шведского короля Эрика XIV (1560—1568). Но наибольший интерес представляют встреченные в развалах печей зданий прекрасные изразцы, служившие украшением внутренних помещений. На одном, совершенно целом терракотовом изразце, относящемся по типу к так называемым красным (XVI в. — начало XVII в.), чрезвычайно выразительно изображена осада крепости, в которой участвуют и артиллерия, и стрельцы с характерным стрелецким знаменем, и копейщики, устремившиеся по штурмовым лестницам на стену крепости. На другом таком же изразце изображён единорог.

Слой XVIII в. сохранился на территории Зарядья лишь в отдельных местах, так как верхние горизонты почвы были сняты экскаватором. Из находок этого времени отметим монеты (от Петра Великого до Павла I), среди которых встречена и французская монета Людовика XVI, а также интересную женскую печать-гемму с изображениями в античном стиле на двух сторонах поворачивающегося камня.

Таковы вкратце результаты, которые даёт нам первичный анализ материалов раскопок. Проследив историю Зарядья с начального периода существования Москвы — X—XII вв. до XVIII в., мы получили важные сведения о застройке и планировке посада, о развитии городского хозяйства, о ремёслах, составлявших материальную основу существования города, о культуре и быте старой Москвы. Но главный результат раскопок

заключается в открытии на посаде культурных горизонтов X—XIII вв. и выявления конфигурации древнейшего посада.

Историки Москвы, опираясь на летописные известия и некоторые археологические находки, представляли себе Москву как небольшую крепостцу, занимавшую лишь уголок кремлёвского холма до здания современной Оружейной палаты. Правда, И. Е. Забелин доказал, что поселение выходило за границы крепостных стен, спускаясь на «подол» уже в XII—XIII веках. М. Н. Тихомиров подкрепил это соображение Забелина рядом доказательств и пришёл к выводу, что «Москва встаёт перед нами в значительно ином виде, чем это порой рисуется в некоторых сочинениях, стараясь представить Москву даже не городом, а какой-то захудалой княжеской усадьбой»²¹. Но ни Забелин, ни Тихомиров не предполагали, что посад уже задолго до первого упоминания Москвы в летописях занимал значительную часть современной территории Китай-города, как это показывают наши раскопки.

Мы можем теперь утверждать, что Москва уже в те отдалённые времена была довольно большим городом с весьма значительным ремесленным и торговым посадом. Разорённая монголами в 1237 г., она не потеряла своего экономического значения, быстро оправилась и вскоре стала первым из русских городов, столицей государства. Предпосылки для этого, как показывают результаты раскопок, были созданы не князьями Даниилом, Юрием Даниловичем и Иваном Калитой, а гораздо раньше, когда возник большой и сильный посад.

Дальнейшие раскопки в Зарядье будут иметь своей задачей пополнение наших общих сведений о московском Великом посаде и, в первую очередь, продолжение исследования остатков ремесленных мастерских, встреченных в древнейших слоях. Будет проводиться работа и по выяснению вопроса о древних укреплениях посада, о связи его с ядром города. Для этого необходимо исследовать как северо-западную часть Зарядья, в направлении к Красной площади, так и восточную его часть — древний Острый конец.

²⁰ См. С. Соловьёв. История России. Т. II, стб. 1301, 1302.

²¹ М. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 150.